

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

В.С. МАРТЬЯНОВ

Сословное государство в современном обществе, или Борьба с российской коррупцией как проблема сокращения статусной ренты*

Автор анализирует современное российское государство как сословное, где вопреки современной политической риторике коррупция является общепринятой статусной рентой. Современное российское общество все уверенней воспроизводит под тонкой современной оболочкой сословное деление, определяющее объем и условия доступа граждан к ренте, распределяемой государством и его агентами. Поэтому общее фоновое условие эффективного сокращения коррупции – преобразование сословного общества в гражданское (современное), а рентной экономики в рыночную. На технологическом уровне это предполагает: последовательное сокращение государственных органов и механизмов распределения общественных благ, в особенности не обращенных адресно к гражданину; либерализацию как сокращение сфер жизни граждан, находящихся под опекой государства; *отпрозрачивание* механизмов принятия общественно значимых решений; отмену статусной ренты лиц, наделенных властью. Указанные меры ведут к расширению современного пространства рыночных обменов и сокращению коррупциогенного потенциала государства.

Ключевые слова: коррупция, сословное государство, статусная рента, либерализация, современное общество.

Властный аппарат: сословные практики vs современная риторика

Многочисленные попытки дать коррупции универсальное определение, предпринимаемые не только в научной литературе, но и на уровне законодательства и правоприменительной практики, показывают, что коррупция – исторически подвижный, релятивный феномен, включенный в механизм функционирования разнообразных легально-публичных и/или теневых институтов общества [Старцев 2014]. Поэтому интерпретация тех или иных явлений и взаимодействий из разных сфер как коррупционных зависит от контекста и взгляда конкретного социального субъекта.

В то же время в современной России при анализе повседневных практик и институтов взаимодействия граждан, бизнеса и государства мы повсеместно сталкиваемся с коррупцией. Но таков *внешний* современный взгляд на российское государство как на

* Статья выполнена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда № 15-03-00124 “Возвышение и кризис демократии в рентной перспективе”.

Мартьянов Виктор Сергеевич – кандидат политических наук, доцент, заместитель директора по научным вопросам Института философии и права УрО РАН. Адрес: С. Ковалевской ул., д. 16, Екатеринбург, 620990. E-mail: martianov@rambler.ru.

преимущественно рентный механизм распределения ресурсов, и на российское общество, воспроизводящее внутри институтов Модерна сословное деление, определяющее уровень легитимного доступа разных сословий к ренте. Его рентно-сословный характер с позиций Модерна как *должного* состояния видится *патологическим, анахроничным, феодальным, неопатримониальным*. Однако то, что с нормативных позиций Модерна и рынка описывается в тотальных коррупционных категориях, для самих властных реалий российского государства – лишь естественный способ существования, основанный на внерыночном, статусном распределении ренты. Сословным элитам выгодно рентное общество, но в публичном пространстве, во внешней оболочке государственности они имитируют рынок, демократию, конкуренцию, национализм и прочие атрибуты модерности.

Если перейти от современной политической риторики элит, предназначенной *внешнему адресату*, к реальному положению дел, то можно констатировать, что в отечественной социальной структуре сложился устойчивый антимодерный консенсус, в котором дистрибутивные (распределительные) политико-экономические обмены продолжают превалировать над рыночными, модерными, обменами. Две трети населения находят преимущественно вне рынка и Модерна, так как погружены в рентную экономику, контролируемую государством. Они относятся либо к 5% *служилого сословия*, распределяющего ренту, либо к 66% *народа*, представляющего собой преимущественно зависимых от государства *рентополучателей* (бюджетники, пенсионеры, наемные рабочие и т.д.). При этом численность предпринимателей, живущих в рынке и существующих на доходы от рыночных обменов, составляет лишь 15% от общей численности населения [Кордонский, Дехант, Моляренко 2012]. В этих условиях попытки использовать описательный язык современного общества и *демонстративно* действовать в сословно-рентной среде так, как будто российское общество, его институты и практики являются демократическими, рыночными и модерными, как минимум, самообман.

На самом деле то явление, которое на языке рыночного, современного общества именуется “коррупцией”, заложено в существование исторической модели российского государства в качестве признанной большей частью общества и властью, а потому легитимной сословной (статусной) ренты. Соответственно, российским сословным государством выстраивается и общая логика противодействия коррупции, предполагающая разные стандарты для разных сословий и принципиально отличающаяся от публичной антикоррупционной риторики. Огромный объем коррупции служилого сословия просто легитимируется как источник дохода, положенный им по статусу, а потому выводимый из-под действия предназначенных остальному обществу норм закона, социальных норм и нелиберальных принципов экономической конкуренции и прозрачности. Эта разновидность коррупции положена, например, по статусу в виде участия в управлении *естественными монополиями*; распределении расходов бюджетов разных уровней через подконтрольные компании; разного рода стимулирующие и премиальные выплаты, имеющие лишь условное отношение к зарплатам; сословные привилегии в виде *особого порядка* медицинского, пенсионного и иных видов обслуживания, и т.д. Низшее же сословие – народ просто отсекается от контактов с государством как источником потенциальных коррупционных взаимодействий. В результате в российском обществе, как справедливо замечает С. Кордонский, коррупция фактически отсутствует: политическая коррупция легализована, бывшие *расхитители* государственной собственности и приватизаторы общественных ресурсов кооптированы в государство и выступают от его имени [Кордонский 2011]. В то же время низовая коррупция минимизирована путем последовательного отказа государства от обязательств перед невольным “сообществом рынка” с соответствующим сокращением поля возможных взаимодействий граждан и власти, потенциально создающего коррупционные предпосылки.

С таких позиций сама идея устранения коррупции представляется ложной, ибо предполагает изменение самой существующей структуры российского общества, где контролирующее государство сословия в массовом порядке получают узаконен-

ную ренту согласно своему социальному статусу, в то время как всему остальному населению предлагается выживать в конкурентных условиях рынка. И когда указанная статусная (политическая) рента служивого сословия определяется рыночными социальными группами как коррупция, возникает защитная реакция естественного рентного государства (Д. Норт) и неопатримониальной элит. Последние пытаются отождествить себя с государством, а любую критику в свой адрес приравнять к государственной измене, экстремизму, терроризму, подрыву существующего политического порядка.

Представляется, что распространенная ошибка – стремление политического истеблишмента бороться с коррупцией с помощью исключительно институциональных средств: путем ее законодательной отмены или административных реформ. В этом случае система управления пытается решить задачи, принципиально неразрешимые на том уровне, на котором они возникли, и теми средствами, которые для этого не предлагаются, то есть государство борется с коррупцией в обществе, но не может реформировать само себя. В результате формально юридическая редукция коррупции к тем или иным *составам преступлений* лишь переопределяет само явление, оставляя многие его составляющие за пределами видимости органов власти, не говоря о полноценном им противодействии.

Любое противодействие коррупции в рамках бюрократического аппарата в бюрократической логике становится самоподдерживающимся процессом. Госструктуры, возникшие для борьбы с ней, объективно заинтересованы в росте коррупции как угрозы обществу и государству, ибо именно для противодействия этой угрозе они и были созданы. В ходе этой борьбы они готовы *осваивать* все большие бюджеты, расширять полномочия, штат сотрудников, занимаемые площади, парк техники и т.д. Тут действует логика, типичная для любых других государственных ведомств по борьбе с “угрозами”, будь то борьба с чрезвычайными ситуациями, экстремизмом, оборотом наркотиков либо с чем-то иным.

Очевидно, что подобные ведомства и корпорации в самом своем существовании по определению – заложники *угроз*: их ослабление закономерно влечет за собой и сокращение финансирования, а затем ликвидацию самих подобных структур. В результате борьба за ресурсные потоки, расширение предметов регулирования, симуляция статистики и повышение значимости “угроз” для государственных корпораций – более важный фактор выживания, нежели удовлетворение интересов граждан как конечного заказчика.

Более того, централизация управления ресурсными потоками рентного общества своей оборотной стороной имеет запретительно высокие издержки контроля за распределением этих ресурсов и соответствующей отчетности об их эффективном использовании. Последняя лишь весьма косвенно или откровенно ложным образом соотносима с действительностью посредством фиктивных отчетов, липовых показателей, формальных проверок и несуществующих угроз. При этом система управления распределением ресурсов постепенно замыкается на себя, становится автореферентным и энтропийным процессом с десятками и сотнями бессмысленных показателей, которыми рядовые исполнители львиную долю рабочего времени должны измерять и описывать свою деятельность вместо оказания населению реальных услуг (см., в частности, [Ланеях 2013]). Граждане же как конечные получатели услуг исключаются из числа эффективных контролеров и оценщиков. В итоге “централизация и усиление вертикального контроля, которые вначале служили инструментом восстановления управляемости, привели государство к утрате способности управлять чем-либо, кроме процесса отчетности” [Волков 2015]. Более того, популярные концепции *электронного правительства, открытого государства* и иные стратегии снижения размеров отчетностей, документооборота и количества посредников между гражданами и государственными услугами оказываются очередными технологическими мифами, используемыми властным аппаратом в собственных интересах.

Для получения государственных бюджетных ресурсов ведомства, специализирующиеся на противодействии той или иной угрозе, должны постоянно показывать, что угрозы усиливаются, но при этом достигаются отдельные успехи в борьбе с ними: «Бюджетная корпорация борцов с коррупцией породила только на федеральном уровне десятки “силовых контор”, чиновники которых бдительно следят за тем, что составляет содержание жизни других чиновников и простых граждан “на самом деле”, и рапортуют о лавинообразном росте коррупции и необходимости увеличения количества ресурсов для борьбы с ней» [Кордонский 2010, с. 50–51]. Однако для внешнего незаинтересованного наблюдателя сама связь усилий борцов с угрозами и снижение реальной опасности от этих угроз вовсе не очевидна: «... то, что считается коррупцией, при изменении точки зрения становится не более чем особенностями “национальной рыбалки” или “охоты”... нет необходимости содержать огромные многоуровневые административные аппараты, занятые чаще всего сбором сословной ренты с нарушителей норм и правил...» [Кордонский 2010, с. 51].

Представляется, что подобная архаизирующая административная логика *a priori* ущербна. Ошибочны и любые стремления изменить административную структуру или распределение ведомственных полномочий, ввести новые законы и запреты в ответ на коррупционную реальность российского общества, которая успешно существует *до, помимо и несмотря на* указанные меры. Ключевой изъян рациональной бюрократической стратегии в том, что расплывчатые и двусмысленные правила противодействия коррупции, особенно массовой и низовой, по умолчанию задает российское государство, когда нормативные требования законов в современной России серьезно расходятся с реальной жизнью.

Любое государство всегда стремится тотализировать общество, сделать его полностью прозрачным и гомогенным, удобным для контроля. Проблема в том, что контроль государства и создаваемые им дисциплинарные пространства всегда охватывают лишь *часть* неизменно более сложной социальной реальности и происходящих в ней взаимодействий. Поэтому радикальное стремление государства упорядочить и контролировать общество во имя его же блага всегда утопично и ведет к парадоксальному эффекту. Он состоит в том, что удобное для государства и его агентов часто становится нетерпимым для базовых интересов большинства граждан, разрушая более сложные и непонятные государству; но тем не менее, эффективные коммуникации людей, складывающиеся в многообразии повседневности так же уверенно, как народные тропы, идущие поперек и в стороне от проложенных государством дорог, причем на средства тех же граждан. Когда государственный сервис-контроль начинает приносить больше вреда, чем пользы, граждане переводят свои взаимодействия в пространство, недоступные и не подконтрольные взгляду государства. В современной России это выражается в стремительном расхождении представлений, законов и институтов предельно упрощенной властно-нормативной социальной реальности с тем, что есть российское общество *на самом деле*, в разрастании параллельных теневого институтов.

Соответственно, централизация политического контроля и дистрибутивных механизмов распределения ресурсов оказывается эффективной в качестве средства противодействия коррупции только во *внутренней реальности* самой власти, способом преодоления ее собственной гетерархии в виде усмирения региональных элит, формирования механизма *преемничества*, обеспечения парламентского большинства, устранения из *большой политики* независимых и несистемных игроков, постоянной коррекции выборного законодательства, и т.п. Но общая гетерархия постсоветского общества как параллельного сосуществования альтернативных норм, институтов, практик, дисциплинарных пространств не уменьшилась. Сословное российское государство начинает испытывать явные трудности с приспособлением к внешней, *рыночной и современной* среде. Чем активнее оно изживает и исключает *политическое зло* гетерархии в виде оппозиции, иностранных агентов, либералов, свободных рынков и рыночных субъектов из политики, экономики, культуры, тем больше альтернативных

социально-политических субъектов начинает существовать вне государства, на разных и все более значимых социальных перифериях [Мартьянов 2009].

Сам феномен сословного государства в современном обществе чреват расширением области *серых, неформальных и полукриминальных* взаимодействий. Поскольку высокая степень коррумпированности того или иного общественного института означает прежде всего тот факт, что он утратил эффективность и полезность функций, под которые был сформирован, его замещают другие практики и институты, а издержки его функционирования в силу различных причин начинают превышать затраты общества на его содержание [Никитаев 2011]. Во многом непрозрачность механизмов принятия решений в госорганах, неопределенность в том, что считать коррупцией, коррупционным поведением, взяткой, – следствие подчинения поля норм, законов и принятия решений двойным стандартам, которому присуще явное “неравновесное положение элементов политико-правовой системы при формальном юридическом равенстве последних” [Булипопова 2010, с. 346].

Коррупция превращает государство в аналог корпорации, действующей в собственных интересах, благодаря частному присвоению государственных ресурсов; превращению из гаранта правил игры в ведущего игрока, обладающего недостижимым преимуществом. Должностные инструкции и законы начинают применяться и интерпретироваться избирательно, создавая правовое неравенство действующих в поле этих законов субъектов. Риторика и социальные технологии двойных стандартов разбивают любые современные универсальные контексты, ценности, практики, идеологии, консолидирующие общество в ценностном и институциональном измерениях. При этом двойные стандарты поддерживает не только власть, но и население, интерпретирующее свое участие в низовой коррупции как “*благодарность за услугу*”, “*особое отношение*”, “*выгодный обмен*” и пр. [Леонтьева 2010, с. 48]. Отдельной проблемой становится законодательная неопределенность в отношении приемлемых механизмов лоббирования, способов регулирования влияния декларируемых законами норм и превалирующих традиций и обычаев на принятие публичных решений заинтересованными сторонами [Киселев 2006]. Часто государственные служащие и граждане вынуждены выбирать между несправедливым законом и *нелегальной справедливостью, de facto* осуществляемой согласно нормам обычного права.

Между тем реальные мировые практики противодействия коррупции показывают, что в современных обществах более эффективной становится сфера внешнего по отношению к государству контроля, связанная не столько с репрессиями виновных (ибо на их место придут такие же), сколько с сокращением вариантов властных коммуникаций, в которых может возникать коррупционный соблазн. Превращение государства в замкнутую самореферентную систему подрывает конечные условия и цели его существования, выходящие за рамки целей и интересов его отдельных представителей, функций и институтов. Поэтому без перманентной внешней коррекции государство неизбежно пропитывается коррупцией в прямом смысле этого термина.

В реалистической перспективе представляется, что только путем внешних воздействий и самоограничений госорганы могут пойти на уменьшение своих избыточных полномочий во всех областях жизни российских граждан. Очевидно, что чем больше сфера государственного регулирования, тем большим бюрократическим и коррупционным (распределительным, рентным) ресурсом располагают его представители. Поэтому было бы наивно полагать, что приращение государства рентного типа ведомствами и подразделениями по противодействию коррупции приведет к победе над ней, ибо коррупция – сама суть, способ существования рентно-сословного государства. Единственное, чего можно достигнуть на этом пути, – перераспределение рентных потоков между группами элит, ведомствами и лоббистами внутри государственного аппарата. Отказ же от избыточных полномочий означает потерю коррупционного ресурса.

Представляется, что исходным пунктом желательных изменений может стать открытое признание рентно-сословного характера российского государства и порождаемого им типа властно-общественных отношений. Вместо частной задачи борьбы с

коррупцией необходима трансформация самого типа государства. Признание объективной реальности – доминирования у нас механизмов рентно-сословного общества – станет первым шагом к выходу из тупика этой реальности.

Переориентация российского государства с доминирующих рентных институтов на институты гражданского сервиса и развития предполагает:

- институциональное сокращение дистрибутивного государства и его функций по контролю, изъятию и распределению общественной ренты, дифференцированному принадлежностью граждан к разным сословиям;

- расширение пространства независимых экономических, политических и иных рынков со свободным ценообразованием;

- поддержание автономии граждан и их ассоциаций как ключевых субъектов “органической модернизации” общества в условиях позднего Модерна;

- сокращение количества государственных посредников между декларируемыми правами и услугами для граждан, с одной стороны, и гражданами – с другой;

- максимальное делегирование полномочий и ресурсов по их осуществлению на уровень эффективной повседневности – местного самоуправления, а также организуемых самими гражданами негосударственных, общественных структур, где их участие в своей собственной судьбе наиболее эффективно.

Новая российская сословность и расширение двойных стандартов

Особенность современного российского развития состоит в том, что неизбежная фоновая модернизация социума снизу наталкивается на встречную тенденцию архаизации элит и властного аппарата государства. Это результат затянувшегося после распада СССР переходного периода, когда многие временные его черты, часто патологические и дисфункциональные, приобрели статус постоянных и даже доминирующих; объективных экономических показателей периферизации России в капиталистической миросистеме; нарастающего преобладания рентно-дистрибутивных экономических обменов над рыночными, доминирующими в современных обществах. В итоге *сословные элиты* – прямые рентополучатели в модели периферийного капитализма как акционеры *естественного государства* оказались не слишком заинтересованными в росте социального капитала граждан. Ведь с его увеличением закономерно следует рост экономически независимых, социально активных и критически мыслящих слоев населения. Они оказываются реальными конкурентами элиты в рыночной среде, начинают угрожать монополии ее доминирования во власти, в том числе и в сфере получения статусной ренты.

Вместе с тем в позднемодерных обществах именно социальный и человеческий капитал граждан играет все большую роль в процессах общественного развития. Однако в современной России «позиции владельцев человеческого капитала везде, кроме крупных городов, в борьбе за получение ими пропорциональных их капиталу рент чрезвычайно слабы, а “бал правят” прежде всего владельцы экономического и властного ресурсов» [Тихонова 2014, с. 350–351], поэтому человеческий потенциал российской модернизации во многом остается невостребованным.

Парадокс состоит и в том, что новая сословность/корпоративность российского общества используется в дискурсе власти, связанном с темой борьбы с коррупцией. Причем в данном дискурсе борьба эта понимается весьма своеобразно. Низовая коррупция искореняется путем сокращения возможных контактов граждан с государством, связанных с предоставлением государственных рент и услуг. Количество этих рент и услуг постоянно сокращается и/или они переводятся на платную основу. В первом случае вместе с деконструкцией социального государства сокращается окно возможностей для взятки с целью получения “бесплатных” государственных услуг и преференций, во втором – те платежи, которые ранее шли чиновникам как взятки, переводятся в статус законной оплаты государственных услуг.

Верховая коррупция, связанная с доступом к средствам госбюджета и госзаказа, сокращается, так как ресурсные потоки бюджетов всех уровней все плотнее осваиваются экономическими структурами, напрямую аффилированными с государственными и муниципальными службами или приближенными к распределению бюджетов фирмами и корпорациями. «Постороннему» приблизиться к этим распределительным механизмам с помощью взяток и откатов для организаций, не имеющих лоббистского, политического ресурса, становится все труднее: система дистрибуции бюджета уже выстроена без лагун и зазоров, механизмы проведения конкурсов отработаны, а доли освоения поделены заранее. Даже стимулированным взятками отдельным чиновникам все сложнее повлиять на отработанный механизм откатов в ходе исполнения бюджетного процесса. Статистически эта тенденция подтверждается лавинообразным ростом размеров взяток и откатов, требуемых для получения доступа к госзаказу или решения государственного органа в свою пользу [Средний... 2011].

Если в условиях конкурентного рынка общественные ресурсы и генерируются, и распределяются преимущественно через свободное ценообразование, то в сословном обществе доступ к ресурсам осуществляется через властные, нерыночные механизмы. В результате сама эффективность этих приватизированных ресурсов для общества катастрофически падает. Например, «статья московского бюджета “арендная плата за нежилые помещения” в 2010 г. принесла столице 1,0% от общей суммы доходов, статья “средства от продажи права аренды земли”: 2010 г. – 0,1%... В бюджет Парижа две эти статьи приносят более 30% дохода» [Шацких 2014]. В данном контексте коррупция фактически – форма ренты для властного сословия, распределяющего ресурсы, которую они получают с предпринимателей, работающих в условиях рынка [Барсукова 2011]. Самим содержанием политики в рентоориентированном обществе становится постоянный передел прав сложившихся и новых сословий на ренту – сырьевую, административную, силовую и пр.

В результате получается, что, с одной стороны, власть безуспешно борется с вполне легитимными коррупционными практиками, с другой – путем растущих запретов, ограничений и неисполнимых законов выдавливает граждан из правового поля, ломает сложившиеся, привычные механизмы коммуникации власти и граждан, во многом основанные на низовой коррупции и реципрокном дарообмене. Однако, если на низших уровнях общественной системы в силу ряда глобальных фоновых факторов (урбанизация, повышение уровня образования, рост доходов, расширение доступа к информации и т.п.) нарастает запрос модернизации, то в сфере взаимодействия элит и принятия политических решений торжествуют архаичные клановые механизмы.

С одной стороны, кампания государства по борьбе с коррупцией *de facto* ограничивается сферой низовой коррупции; в ее рамках принимаются законы и регламенты, дисциплинирующие рядовую бюрократию. В результате подавляются лишь доступные большинству граждан коррупционные отношения, традиционно выполнявшие роль ресурса в решении их бытовых, повседневных проблем. Как следствие, коррупционные взаимодействия делегируются *наверх* от агентов к принципалам, и для решения тех же вопросов приходится платить гораздо больше [2014. Борьба... 2014]. С другой стороны, высшая, или политическая, коррупция фактически оказывается неподвластна *естественному государству*, так как *является самым способом существования сложившегося политического порядка*. И эта ситуация не подвластна никакому закону об общественном контроле или противодействии коррупции, по сути не предполагающего никакого реального контроля, а подменяющего реализацию базовых принципов демократии, прав и свобод граждан, активности агентов гражданского общества паллиативными мерами, реализуемыми агентами государства. Поэтому представляется, что все более интенсивная борьба с *малой*, или бытовой, коррупцией при недостижимости и неприкосновенности *большой* коррупции – сознательно сконструированная политика российских элит, поскольку верховую, или политическую, коррупцию можно отнести к самым основаниям политического порядка и поддерживающих его элит.

Верховая, или политическая, коррупция – вечная всеобщая проблема, независимая от разного рода рейтингов коррупции, ибо с течением времени власть при отсутствии внешнего сопротивления и давления ограничителей начинает концентрироваться в руках немногих. *Железный закон олигархии* и коррупция неотделимы от истории государства, так как именно последнее умножает инстанции власти, вводит и поддерживает различные дисциплинарные пространства, делегирует и разветвляет сеть разнообразных контролеров и их полномочий. Очевидно, естественной тенденцией в данной ситуации будет отхождение от абстрактного государственного интереса к партикулярному, который имеется у представителя (агента) государства. Как только суверен делегирует полномочия, он тем самым отчасти отчуждает их в пользу тех, кому они перешли: “...потенциал коррупции умножается по мере того, как суверенная власть воспроизводит себя как при разделении, так и при делегировании функций” [Хестанов 2012, с. 56].

Собственно, этот феномен приватизации частички власти и государства в частных интересах и есть коррупция. Вместе с тем в теории частные интересы и должностные обязанности чиновников не должны пересекаться, иначе приватизация публичных функций дискредитирует политический порядок и подпадает под статьи уголовного кодекса. Однако если в историческом *естественном государстве* коррупция – фактически легитимная функция рентного *кормления* чиновника, то в современном обществе узурпация государственного интереса вызывает все меньшую толерантность, представляясь прямым покушением на общественные блага. Более того, любая рента с государства все менее легитимна в обществе с доминированием рыночных обменов, где требуются более качественные государственные услуги в обмен на значимые гражданские обязательства и налоги.

В более широком историческом контексте огосударствление общества порождает коррупцию как своеобразную адаптацию, направленную на смягчение институциональных процессов превращения сословного государственного аппарата в нанимаемую профессиональную бюрократию, работающую за зарплату. Но безмерная этатизация общества одновременно может провоцировать революционный взрыв как радикальное отрицание навязываемого обществу государственного интереса: “...революция и коррупция вписаны в государство структурно, а потому углубление процесса этатизации неизбежно сопровождается усилением коррупции и интенсификацией протестных или революционных движений” [Хестанов 2012, с. 49].

Более глубокая проблема, однако, состоит в том, что даже в условиях современного общества и идеального рынка реальные “институты в основном создаются не для того, чтобы достичь наибольшей социальной эффективности; почти всегда их назначение (по крайней мере, если говорить о формальных институтах) – служить интересам тех, чьи позиции на рынке достаточно сильны, чтобы устанавливать новые правила” [Норт 2004]. Более того, в условиях капитализма, даже если происходит ротация политических элит и работают социальные лифты, экономические основания власти, связанные с правами собственности, почти неограниченно передаются по наследству. Это значит, что в долгосрочной перспективе в отдельных государствах и в капиталистической миросистеме в целом олигархические картели в политике и глобальные монополии на рынках естественным образом аккумулируют все большие ресурсы, оказывая все более серьезное влияние на национальные политические порядки, правовые режимы и политические процессы.

Поэтому в силу олигархических тенденций на любых рынках и в любых властных аппаратах принцип презумпции виновности, особенно высших политических чиновников, представляется вполне оправданной мерой профилактики и предотвращения злоупотреблений. Ведь элиты и бюрократия обладают властью и должностными полномочиями, которыми они наделены обществом, но которыми они потенциально могут распорядиться вопреки общественным интересам. Поэтому общество для контроля деятельности бюрократического аппарата и высших элит вправе применять принцип презумпции виновности. Технологически подобная возможность реализуется через открытость власти, механизмы участия граждан в принятии значимых решений, императивный гражданский контроль и т.д.

Пока же двойные стандарты российского сословного государства в современном мире приводят к противоположному эффекту – состоянию искусственной презумпции виновности граждан, а не бюрократии. Когда законы и властные практики противоречат универсальным современным институциям, ценностям и нормам, власть фактически *позволяет* людям жить не по закону, потому что жить по нему невозможно. Соответственно, запретительной и репрессивной логикой законоотворчества население символически и юридически вытесняется в неправое пространство. Коррупция возникает как дополнительный механизм, помогающий решить проблемы, которые решить легальным способом либо невозможно, либо крайне затруднительно. Если законы государства и политический порядок не приближаются к жизни большинства, но при этом не настолько невыносимы, чтобы вызвать массовое гражданское сопротивление, то именно механизмы коррупции закономерно становятся полноправным и неотъемлемым элементом системы социальных коммуникаций, демонстрируя ее *проклятую сторону* (Ж. Бодрийяр). В итоге накапливаются радикальные общественные противоречия, связанные с необходимостью, но невозможностью модернизации сословного государства, расширения институционального доверия и свободных рыночных обменов.

Что делать?

Безусловно, историческое развитие общества возможно и в сословном государстве, и в рентной экономике, и в условиях высокой коррупции [Ланкевич 2009]. Вопрос в другом – в универсальности, устойчивости и долговременности этого развития, в возможности широкого доступа граждан к его результатам. Вероятность для российского общества перейти от элементарного выживания, привычной исторической мобилизационной стратегии *освоения и распределения ресурсов* в рентной парадигме к логике долгосрочного и устойчивого институционального развития обуславливает приоритетность таких внеэкономических социальных регуляторов, как право, политика, мораль, религия, этика, массмедиа. Расширение пространства свободных рынков, самоуправления, демократии неизбежно повышают чувствительность граждан к проявлениям коррупции, создавая, например, такие политические фигуры, как А. Навальный.

Представляется, что коррупция может быть минимизирована без изобретения особых российских “велосипедов”. Необходим не поиск идеального или уникального рецепта, а сосредоточение усилий общества на преобразовании антимодерного консенсуса в современный и поддержке эволюции рентных механизмов российского государства в сервисные [Фалина 2014]. Требуется создавать условия жизни, при которых следование современным нормам закона и современной общественной морали станет наиболее выгодным и естественным образом действия как граждан, так и чиновников. И наоборот, попытки обойти закон для получения частной ренты с занимаемой должности или имеющегося социального статуса окажутся слишком рискованными, экономически и рационально невыгодными.

В настоящее время мы видим постоянные бесплодные попытки реформаторов примирить условную административную реальность, институционально симулирующую Модерн, рынок, капитализм и демократию, и то, как происходит принятие политических решений, распределение и освоение общественных ресурсов *на самом деле*, то есть в рентной перспективе. Государство и служивое сословие должны перестать симулировать управление обществом *извне*, создавая параллельную современную реальность, *какой она должна быть* и от имени которой избирательно наказываются отдельные коррупционные субъекты, институты и явления. Принадлежность к служилому сословию, к политической элите не должна избавлять законодателей от необходимости самим соблюдать предложенные другим сословиям правила игры. Собственно, в этой избирательности и проявляется коррупция государства, фиксируемая, например, статистикой российских судебных приговоров: за аналогичные преступления преступники с высоким социальным статусом получают меньшие либо условные наказания [Как судьи... 2012].

Если политико-экономическая реальность российского общества при пристальном ее рассмотрении любым государственным надзорным органом оказывается полно-

стью коррумпирована, если «любое расследование распределения ресурсов приводит государственного человека... к выводу, что “коррупция пропитала все связи и отношения” в нашем государстве-обществе» [Кордонский 2010, с.134], необходимо сделать следующий шаг и признать, что указанное массовое исключение в силу своей тотальности – вовсе не исключение, а *социальная норма* российского сословно-рентного государства. Исключения же – те псевдомодерные нормы, которое пытается транслировать государство, пытаясь выдать желаемое за действительное. Следовательно, чтобы изменить коррупционную реальность, обществу, государству и его агентам в первую очередь необходимо признать эту реальность если не нормой, то хотя бы такой, какая она есть *на самом деле*. Только в этом случае могут быть предложены эффективные меры по коррекции социальной онтологии современной России, а не ее нормативных описаний, далеких от жизни общества, а зачастую попросту ложных.

Представляется, что институционально изменить рентно-сословную модель российского государства может последовательная либерализация как комплексная мера противодействия коррупции. Если сословные элиты контролируют рентное государство, то в первую очередь в нормативной современной перспективе нужно позаботиться о сокращении объемов этого государства, его избыточных функций, регулирующих полномочий его агентов и следующих из них коррупционных схем взаимодействия. Параллельно можно осуществлять второй способ его преобразования, связанный с фоновой модернизацией снизу – участием граждан в экспертизе и принятии публично значимых решений, участием в гражданских протестах, согласованных широких коллективных политических действиях, принуждающих элиты к диалогу на равных. Либерализация предполагает пересмотр системы централизованных практик изъятия и распределения общественных ресурсов и государственных услуг среди граждан в виде ренты, все более концентрирующейся на федеральном уровне и в виде *пожалованных* субсидий транслируемой на нижние бюджетные этажи. Позднемодерное государство все более ограничено сервисной функцией: оно создает институциональные условия свободы и самореализации, в том числе поддерживая минимальные социальные стандарты жизни граждан, но при этом перестает дисциплинарным способом регламентировать, каким образом гражданин будет распоряжаться своими ресурсами и возможностями.

В этом случае государственные агенты, реализующие коррупционный потенциал путем получения права регулирования жизненно важных сфер граждан, могут быть радикально сокращены. Более того, сокращение объемов государственного регулирования потенциально снижает совокупную *цену государства* для граждан в виде налогов, акцизов, таможенных сборов, инфляции, зарплат чиновников; уменьшает многие *транзакционные издержки* социальных коммуникаций, а следовательно, выступает генератором роста благосостояния. Поэтому последовательное сокращение распределительных механизмов рентно-сословного государства, всех сфер и областей жизни граждан, находящихся под назойливым регулированием и опекой государства, *опрозрачивание* госструктур и механизмов решений автоматически ведут к сокращению потенциала коррупциогенности государства. Указанные меры позволят лучше понять интересы значимых социальных групп, согласовать их общественный диалог и легализовать их *de facto* существующее институциональное оформление.

* * *

Указанные выше меры по преобразованию сословного общества в рыночное в перспективе лишают доминирующие политические элиты контроля над значительной частью административной и природной ренты¹. Поэтому объективно они не заинтересованы в либеральных преобразованиях, лишаящих их *властесобственности*, хотя вынуждены использовать и модернизационную риторику, и антикоррупционный

¹ Оговорюсь, что модернизация сословного общества – комплексный социокультурный процесс, который даже при оптимальном ходе событий займет не одно десятилетие. Но те меры, о которых идет речь в статье, – одна из важнейших его частей.

лексикон. Более того, сословные элиты не могут сформулировать идею общего блага как регулируемую справедливый обмен ресурсами в современном обществе, ибо последняя, будучи сформулирована в современном виде, угрожает их монополии на российский политический порядок. Политическая проблема заключается здесь вовсе не в *ресурсном проклятии* или объемах доступной природной ренты, но в целях и способах ее распределения, принципиально отличающих Канаду, Норвегию или Австралию от Нигерии, Саудовской Аравии, Ирака и Венесуэлы.

Однако без веры в общее благо невозможно убедить граждан отказаться от той части располагаемого ими социального капитала, которая подпитывает коррупцию на межличностном и институциональном уровне. У людей просто нет более универсальной перспективы, позволяющей увидеть, что повседневное коррупционное взаимодействие, превращаясь в социально одобренный способ жизнедеятельности большинства, лишает это большинство гораздо больших возможностей, которыми они могли бы располагать в отдельности и сообща в будущем, исключив коррупцию как способ кажущегося им эффективным решения своих индивидуальных проблем [Фишман 2014]. А значит, шансы России на переход из состояния естественного рентно-сословного государства к *обществу открытого доступа* (см. [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011]) остаются лишь возможностью.

Этот шанс может быть реализован при увеличении доли современной части населения, относительно независимой от государства и включенной в пространство рыночных обменов. Это, по сути, вариант модернизации снизу, в ходе которой *тягловое сословие* граждан-налогоплательщиков, *de facto* живущих в стихии рынка и контексте постоянно сокращающейся ренты ветшающего социального государства, пытается поставить на службу обществу *служивое сословие*, слишком часто замещающее интересы государства собственными интересами. В данном случае критерий успешности модернизации – интеграция государством значимых социальных групп через *инклюзивные институты* [Acemoglu, Robinson 2012] – общностей, в настоящее время часто отчужденных от государства или просто не попадающих в генерируемую *государством* социальную реальность. В противном случае происходит масштабная радикализация всех *исключенных*, когда они начинают позиционировать себя истинными носителями государственного интереса в отличие от коррумпированных элит, утративших право на выражение государственного интереса.

Последний вариант будет свидетельствовать уже о революционной ситуации, о стремлении к *альтернативной универсализации* государственного интереса в интересах той части общества, которая считает нынешнее государство узурпированным сословным меньшинством. Здесь на ценностном уровне становится особенно важна современная легитимация сопротивления власти через апелляцию к интересам отдельного гражданина, обращение к концепции сервисного государства, саморегулируемого рынка, позднемодерным ценностям самореализации и органической модернизации. Когда особенно явно обнаруживается, что социокультурная трансформация в условиях позднего Модерна оказывается самим условием устойчивых, долгосрочных результатов любой инструментальной модернизации [Плискевич 2010]. В подобном контексте, когда легитимность оппонентов в отстаивании государственного интереса в нормативной *модерной политической перспективе* готова сравняться с легитимностью сословных элит, последние будут вынуждены кооптировать во властный порядок новые социальные группы и расширять рентные права граждан, опираться на такие современные источники развития, как рынок и доверие, чтобы не потерять власть как таковую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

2014. Борьба с коррупцией (продолжение следует) (2014) (http://public.ru/corruption_2014/).
- Барсукова С. (2011) Ресурсная экономика и сословная рента: концепция С. Кордонского // Экономическая социология. Т. 12. № 4. С. 112–121.
- Булипопова Е.В. (2010) Причины и предпосылки появления термина “двойные стандарты” в политическом дискурсивном пространстве // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Вып. 10. С. 346–354.

Волков В. (2015) Процесс – всё, результат – ничто (<http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/06/18/596793-protsess-vse-rezultat-nichto>).

Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права (2012). М.: Статут.

Киселев К.В. (2006) Лоббизм: основные модели восприятия и конфликт интересов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Т. 2. № 3. С. 156–168.

Кордонский С. (2011) Коррупции в России практически нет (<http://korrossia.ru/expert/574-simon-kordonskiy-korruptcii-v-rossii-prakticheski-net.html>).

Кордонский С. (2010) Россия. Поместная федерация. М.: Европа.

Кордонский С.Г., Дехант Д.К., Моляренко О.А. (2012) Сословные компоненты в социальной структуре современной России // Отечественные записки. № 1. С. 74–91.

Леонтьева Э.О. (2010) Восприятие коррупции в стереотипах массового сознания россиян // Политика. № 1. С. 45–51.

Мартьянов В.С. (2009) Государство и гетерархия: субъекты и факторы общественных изменений // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. № 9. С. 230–248.

Никитаев В. (2011) Коррупция и конец истории (<http://russ.ru/pole/Korruptsiya-i-konec-istorii/>).

Норт Д. (2004) Функционирование экономики во времени (<http://www.strana-oz.ru/2004/6/funkcionirovanie-ekonomiki-vo-vremeni>).

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011) Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара.

Панеях Э. (2013) Зарегулированное государство // *Pro et contra*. № 1–2. С. 79–92.

Панкевич Н.В. (2009) Коррупционные риски в условиях глобализации // Политика. 2009. № 4. С. 75–85.

Плискевич Н.М. (2010) Тупики инструментальной модернизации // Общественные науки и современность. № 2. С. 78–85.

Средний размер взятки вырос в 5 раз (2011) (http://www.public.ru/corruption_2011).

Старцев Я.Ю. (2014) Функциональный анализ коррупции с позиции теории неформальных институтов // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. Екатеринбург. С. 78–85.

Тихонова Н.Е. (2014) Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф–Институт социологии РАН.

Фалина А.С. (2014) Сервисное государство: истоки теории, элементы практики // Социология власти. № 1. С. 132–140.

Фишман Л.Г. (2014) Движемся ли мы к антикоррупционной системе ценностей? // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. Екатеринбург. С. 127–132.

Хестанов Р. (2012) Коррупция и революция как структурные основания фикции государственного интереса (*raison d'Etat*) // Логос. № 2 (86). С. 46–64.

Шацких В. (2014) Богатая столица и нищая провинция (<http://svpressa.ru/society/article/90636/>).

Acemoglu D., Robinson J.A. (2012) *Why Nations Fail: the origins of Power, Prosperity and Poverty*. First Edition.

Corporate State in Modern Society or the Struggle Against Corruption as a Problem of Reducing of the Status Rents in Russia

V. MARTIANOV*

* **Martianov Viktor** – candidate of sciences (Politicalology), associate professor, deputy director, Institute of Philosophy and Law, RAS (Ural branch). Address: 16, S. Kovalevskoy st., Ekaterinburg, 620990, Russian Federation. E-mail: martianov@rambler.ru.

Abstract

Any attention of scientists, supervisory authorities, or a command to “dig deeper” discover the corruption to be widespread in the everyday practices of interaction between citizens and institutions, business and government. But that is only an “external” view on the corporate Russian state, where corruption is a common status rent despite modernist political rhetoric. Under a shiny modern surface Russian society keeps estates structure, which determines the level and terms of access for citizens to rents distribution. Therefore: the progressive reduction of state bodies and mechanisms for the distribution of public goods, in particular, ones not addressed to a citizen; the liberalization as the reduction of the spheres of intrusive regulation and protection of citizens life by the state; transparency of mechanisms of public decision-making; abolition of status rent for persons holding positions in authority – will automatically lead to the reduction of corruption potential of the state. The arrangements specified will enlarge the space of Modern type market exchanges and reduce corruption potential of the state.

Keywords: corruption, corporate state, status rent, liberalization, modern society.

REFERENCES

2014. *Borba s korruptsiej* (prodolzhenie sleduet) (2014) [2014. The fight against corruption (to be continued)] (http://public.ru/corruption_2014/).

Acemoglu D., Robinson J.A. (2012) *Why Nations Fail: the origins of Power, Prosperity and Poverty*. First Edition.

Barsukova S. (2011) Resursnaya ehkonomika i soslovnaya renta: kontseptsiya S. Kordonskogo [Resource Economics and Estates rent: Concept by S. Kordonsky]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. vol. 12, no. 4, pp. 112–121.

Bulipopova E.V. (2010) Prichiny i predposylki poyavleniya termina “dvoynye standarty” v politicheskom diskursivnom prostranstve [The causes and conditions of occurrence of the term “double standards” in the political discursive space]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, vol. 10, pp. 346–354.

Falina A.S. (2014) Servisnoe gosudarstvo: istoki teorii, ehlementy praktiki [Service State: theory origins, elements of practice]. *Sotsiologiya vlasti*. no. 1, pp.132–140.

Fishman L.G. (2014) Dvizhemsya li my k antikorrupcionnoj sisteme tsennostej? [Are we moving towards an anti-corruption system of values?]. *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federatsii v oblasti protivodejstviya korruptsii*. Ekaterinburg, pp. 127–132.

Kak sud'i primimayut resheniya: ehmpiricheskie issledovaniya prava (2012) [How do judges make decisions: empirical studies of law]. Moscow: Statut.

Кнестанов Р. (2012) Коррупция и революция как структурные основания фикции государственного интереса (raison d'État) [Corruption and revolution as a structural foundations of the fiction of state interest (raison d'État)]. *Logos*, no. 2, pp. 46–64.

Kiselev K.V. (2006) Lobbizm: osnovnye modeli vospriyatiya i konflikt interesov [Lobbying: the basic models of the perception and a conflict of interest] *Politicheskaya ehkspertiza: POLITEKS*, vol. 2, no. 3, pp. 156–168.

Kordonskij S. (2011) *Korrupsii v Rossii prakticheski net* [Corruption in Russia is practically non-existent] (<http://korrossia.ru/expert/574-simon-kordonskiy-korrupcii-v-rossii-prakticheski-net.html>).

Kordonskij S. (2010) *Rossiya. Pomestnaya federatsiya* [Russia. The local federation]. Moscow: Evropa.

Kordonskij S.G., Dekhant D.K., Molyarenko O.A. (2012) Soslovnye komponenty v sotsial'noj strukture sovremennoj Rossii [Estates components in the social structure of modern Russia]. *Otechestvennye zapiski*, no. 1, pp. 74–91.

Leonteva E.O. (2010) Vospriyatie korrupsii v stereotipakh massovogo soznaniya rossiyan [Perception of corruption in the stereotypes of the mass consciousness of Russians]. *Politiya*, no. 1, pp. 45–51.

Martyanov V.S. (2009) Gosudarstvo i geterarkhiya: sub"ekty i faktory obshchestvennykh izmenenij [State and heterarchy: actors and factors of social change]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, no. 9, pp. 230–248.

Nikitaev V. (2011) *Korrupsiya i konets istorii* [Corruption and the end of history] (<http://russ.ru/pole/Korrupsiya-i-konec-istorii/>).

Nort D. (2004) *Funkcionirovanie ehkonomiki vo vremeni* [The functioning of the economy over time] (<http://www.strana-oz.ru/2004/6/funkcionirovanie-ekonomiki-vo-vremeni>).

North D., Wallis D., Weingast B. (2011) *Nasilie i sotsialnye poryadki. Kontseptualnye ramki dlya interpretatsii pismennoj istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders: a Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara.

Paneyakh E. (2013) Zaregulirovannoe gosudarstvo [Overregulated State]. *Pro et contra*, no. 1–2, pp. 79–92.

Pankevich N.V. (2009) Korrupsionnye riski v usloviyakh globalizatsii [Corruption risks in globalization]. *Politiya*, 2009, no. 4, pp. 75–85.

Pliskevich N. (2010) Tupiki instrumental'noj modernizatsii [Deadlocks instrumental modernization] *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 78–85.

Shatskikh V. (2014) *Bogataya stolitsa i nishhaya provintsiya* [Rich capital and impoverished province] (<http://svpressa.ru/society/article/90636/>).

Srednij razmer vzyatki vyros v 5 raz (2011) [The average size of bribes has increased 5 times] (http://www.public.ru/corruption_2011).

Startsev Ya.Yu. (2014) Funktsionalnyj analiz korrupsii s pozitsii teorii neformalnykh institutov [Functional analysis of corruption from the perspective of the theory of informal institutions]. *Aktualnye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federatsii v oblasti protivodejstviya korrupsii*. Ekaterinburg, pp. 78–85.

Tikhonova N.E. (2014) *Sotsialnaya struktura Rossii: teorii i realnost* [The social structure of Russia: theory and reality]. Moscow: Novyj khronograf–Institut sotsiologii RAN.

Volkov V. (2015) *Protssess – vsyo, rezultat – nichto* [Process – all, the result – nothing] (<http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/06/18/596793-protssess-vse-rezultat-nichto>).